

Соня Стереостырски

Павел Пепперштейн

МЫ ДЭБИЛЫ.

Описание акции КД «Без портрета»

На двух автомобилях мы прибыли в деревню Дютьково. Уже на подъезде к деревне ПП стал явственно впадать в состояние эйфории, утверждая, что мы попали непосредственно в Святую Русь. Глядя из окна машины, ПП постоянно бормотал «святое шоссе...святые автомобили...святые кусты... святые деревья...святые дачники...святые облака...» и тому подобное. Всё казалось ему святым.

Коэффициент святости окружающей действительности достиг своего первого пикового значения на подъезде к стоянке, где под громкую музыку из второй (уже прибывшей) машины с участниками акции мы были встречены надвигающейся на нас вереницей из людей и лошадей. Наверное, это табор уходил из деревни Дютьково в небо.

Акция КД началась с вводного периода, который представлял собой экскурсию в дом-музей композитора Танеева. Небольшой деревенский домик, перед которым возвышается беловатая каменная голова Танеева, окруженный скромным и как бы помятым садиком, встретил нас смесью неласковости и хрупкого, давно ушедшего уюта. Везде лежали полуспящие кошки, излучающие глубокий покой, но этот покой, к сожалению, не распространялся на женщину-экскурсовода, чье лицо было заслонено прозрачным антикоронавирусным забралом довольно модного и даже несколько футуристического вида. В момент, когда мы вошли в этот домик (наша сакральная группировка состояла из 9 человек), она уже проводила экскурсию для каких-то других людей, и хотя мы вели себя достаточно скромно и намеревались просто ненавязчиво присоединиться к экскурсии, наше появление отчего-то спровоцировало в душе этой женщины-экскурсовода вспышку беспочвенного и необъяснимого раздражения. Её бесило в нас всё, вплоть до скрипа половиц под нашими ногами, хотя точно такой же скрип производился ногами других существ. В ответ

на какой-то вполне невинный вопрос, заданный одним из нас, голова этой женщины словно бы покачнулась, как если бы эта голова была мячом, по которому вдруг въебал невидимый футболист. Глаза её измождённо захлопнулись, а побледневшие губы выдавили фразу : «я больше не могу... Я просто больше не могу». Возможно, наше появление стало последней каплей, переполнившей бронзовый чан терпения этой женщины. Кто знает, какие еще капли, ливни, водопады и грязевые потоки обрушились до нас в этот чан, но именно наши лица стали для нее омерзительным знаменем истощенности её сил. Я почувствовал в тот момент даже некое подобие гордости за то, что именно нам суждено было поставить точку в истории долготерпения этой женщины. Из вежливости мы быстро удалились, окинув лишь поверхностным взором спокойных кошек, бревенчатые стены, ущербные самовары на подставках, вышитые кружевные скатерти на овальных столиках, венские стулья и скромные витрины, в которых висели фотографии различных музыкантов и небольшие автографы их записок. Эти музейные фотографии, как выяснилось впоследствии, были ключом к последующему перформативному нарративу КД.

Это были как бы последние портреты, провожающие нас в территорию безпортретности. Здесь мне хотелось бы процитировать замечательную песню МС Поха:

Если видишь на картине
Чью-то бритую пизду
Или бабку во всём синем
Или длинную бороду
Иль уёбищную рожу
Которой делают минет
Вы подумайте
Быть может
Перед вами блядь портрет!
Картины и картинки
Заросшие вагинки
Натюрморт, портрет
Я те сделаю минет!

К нашему сожалению (и в то же время ужасу), мы обнаружили ещё одну субличность взбешённой женщины-экскурсовода — кассир. Процесс оплаты нашего неприятельного визита проходил как раз

в тот промежуток времени, когда бронзовый чан терпения этой женщины ещё был полон до краёв и, кажется, не собирался никогда больше опорожняться. Спросив, есть ли в нашей группе студенты (которым, между прочим, положена 50% скидка на посещение дома-музея Танеева) и получив положительный ответ, женщина закатила свои глаза настолько сильно, что можно было увидеть их обратную сторону и зрительные нервы. Затем она откатила глаза обратно и дрожащим от ненависти голосом произнесла: «будем считать, что вы все студенты. 9 студентов». Расплатившись и горячо поблагодарив женщину-экскурсовода-кассира, мы на максимальной скорости съебались из дома-музея Танеева...

Однако прежде, чем мы окончательно покинули территорию дома-музея, Андрей Викторович Монастырский заговорщицким тоном сообщил нам очень важную информацию. Оказывается, композитор Танеев в какой-то момент своей жизни выебал жену Льва Николаевича Толстого, известного русского писателя, Софью Андреевну Толстую. Это обстоятельство каким-то образом дошло до сведения Льва Николаевича и спровоцировало его на написание известной повести «Крейцерова соната». Эта информация безусловно представляет собой ключ к пониманию акции КД «Без портрета». Впрочем, это не единственный ключ. Данную акцию КД можно с полным правом считать ключевой, но и многоключевой. Как говорится в народе: «глючь — не глючь, а найди здесь ключ». Наконец-то, наше повествование вслед за группой из 9 человек, кажется, всё-таки покидает дом-музей композитора Танеева, хотя, скажем заранее, нам ещё предстоит вернуться сюда в конце акции.

Мы продвигались по сельской улице в сторону железнодорожного полотна, и не надо забывать, что отныне мы являли собой группу студентов (9 студентов). Причем, по всей видимости, слово студент нужно понимать в духе старокитайской литературы по типу сказок «Студент и лиса». Возрастной диапазон студентов в данном случае колебался от 22 до 70 лет (Соня Стереостырски —> Андрей Монастырский). Это гениально!

Группа студентов приблизилась к железной дороге и обнаружила там странный домик, точнее полудомик, точнее просто строение или полустроение. Возможно, когда-то это была остановка, но уверенности в этом не возникало. Андрей Викторович, руководитель акции, попросил Павла Витальевича укрепить на стене несолидного строения страницу с текстом. Это был фрагмент из мемуаров некоего музыканта. В этом фрагменте, который ПП (по просьбе АМ) зачитал вслух, описывается визит

автора и Святослава Рихтера (известный советский пианист) в дом-музей Танеева, который мы только что посетили. Увидев множество фотографий музыкантов на стенах музея, Станислав Рихтер попытался отыскать среди них своё собственное изображение, но не отыскал. Это настолько возмутило пианиста, что его гнев стал незабываемым для мемуариста. В каком-то смысле из недр Рихтера вырвался протоплазматический вопль: «я больше не могу! Я просто больше не могу...». И хотя инцидент с Рихтером имел место в 70-е годы, но мы смогли убедиться на собственном опыте, что этому воплю суждена была долгая жизнь и он дожил до наших дней, отразившись в измождённом лепете женщины-экскурсовода. Конечно, учитывая общую чувствительность пианистов, а также всем известную гомосексуальную ориентацию Рихтера, а также общую трепетность русской интеллигенции, не приходится удивляться тому грандиозному облому, который посетил Святослава в музее Танеева. Но на более глубоком уровне (а поэтика КД предполагает бесконечную глубину уровней то есть некое проваливание сквозь слои смыслов в полубездны протонарративов постиндустриальной традиции), имя Святослав Рихтер прочитывается как «святое православие», потому как Святослав — это святая слава, а Рихтер обозначает «судья», в более общем смысле «исправляющий», отчего собственно и происходит глагол «отрихтовать», достаточно употребимый в наши дни. Учитывая лысоватость пианиста, надо полагать он не на шутку побагровел в тот миг, напоминая чем-то возбуждённый хуй.

А за стеною всё играет пианист
А говорят, он виртуозный онанист
Играть Чайковского он вроде бы горазд
И как Чайковский он местами педераст
(блатная песня)

Поэтика поздних «Коллективных действий» представляет собой некий обширный и не лишённый специфического «тёмного холода» комментарий к мифу о русской интеллигенции. Предполагается, что этот социальный метафизический слой исчез, и по идее должны были бы остаться некие «портреты», да они, собственно говоря, и остались, и даже в большом количестве, но магия КД превращает эти портреты в некие чёрные дыры, в зияния, в матовые (матерные) неотражающие поверхности. Полагаем,

что пафос описываемой акции (если вообще приписывать данной акции какой-либо пафос, но приходится приписывать, от этого просто невозможно уклониться, потому что пафос ощущался — ощущался, как некая волна горячего пара, взмывающего из глубин и возносящего зрителей акции на облаках хикающего откровенческого восторга) состоит именно в этом поглощении портретов, можно сказать — в пожирании портретов. Поэтому неслучайно, что данный текст мы начали писать в тот день (02/10/2020), когда КД провели на Киевогорском поле акцию «Портрет»: акцию, безусловно представляющую собой сиквел к акции «Без портрета». Центральным элементом акции «Портрет» был портрет Л. Н. Толстого с испуганным, как бы даже несколько выебанным взглядом, но в роскошной раме. Возникает подозрение, что хуй Танеева, пробившись сквозь тело супруги Толстого, добрался до автора «Крейцеровой сонаты» и выебал ему мозг.

Что же такое портрет Толстого? Что такое толстый портрет? Что означает портрет Рихтера? Портрет Рихтера — это портрет судьи. В романе Кафки «Процесс» дано очень подробное описание портрета судьи, написанного судебным художником Титорелли. Далее, по идее, должен следовать подробный анализ этого описания из романа Кафки, переходящий в подробный анализ повести Л. Н. Толстого «Крейцера соната». Ревность — это болезнь, поэтому данный текст примыкает к медикаментозному дискурсу (пациенты — Л. Н. Толстой и Святослав Рихтер). Но мы не располагаем достаточным временем для создания этих безусловно ценных текстовых фрагментов, поэтому продолжим описание акции.

Самым поразительным в этом полудомике, где развернулась акция «Без портрета», было следующее. Весь домик (внутри и снаружи) был исписан надписями, явно относящимися к подростковой текстообразующей активности (имеются в виду подростки деревни Дютюково). На стенах полудомика присутствовали такие надписи как:

«ЛОХ»

«BOOM»

«СТИНА»

«ты иди сюда не ной! ОН придет за тобой»

«Кристина + Петя = любовь»

«Петя изменник!»

«Петя + Кристина + Алёна»

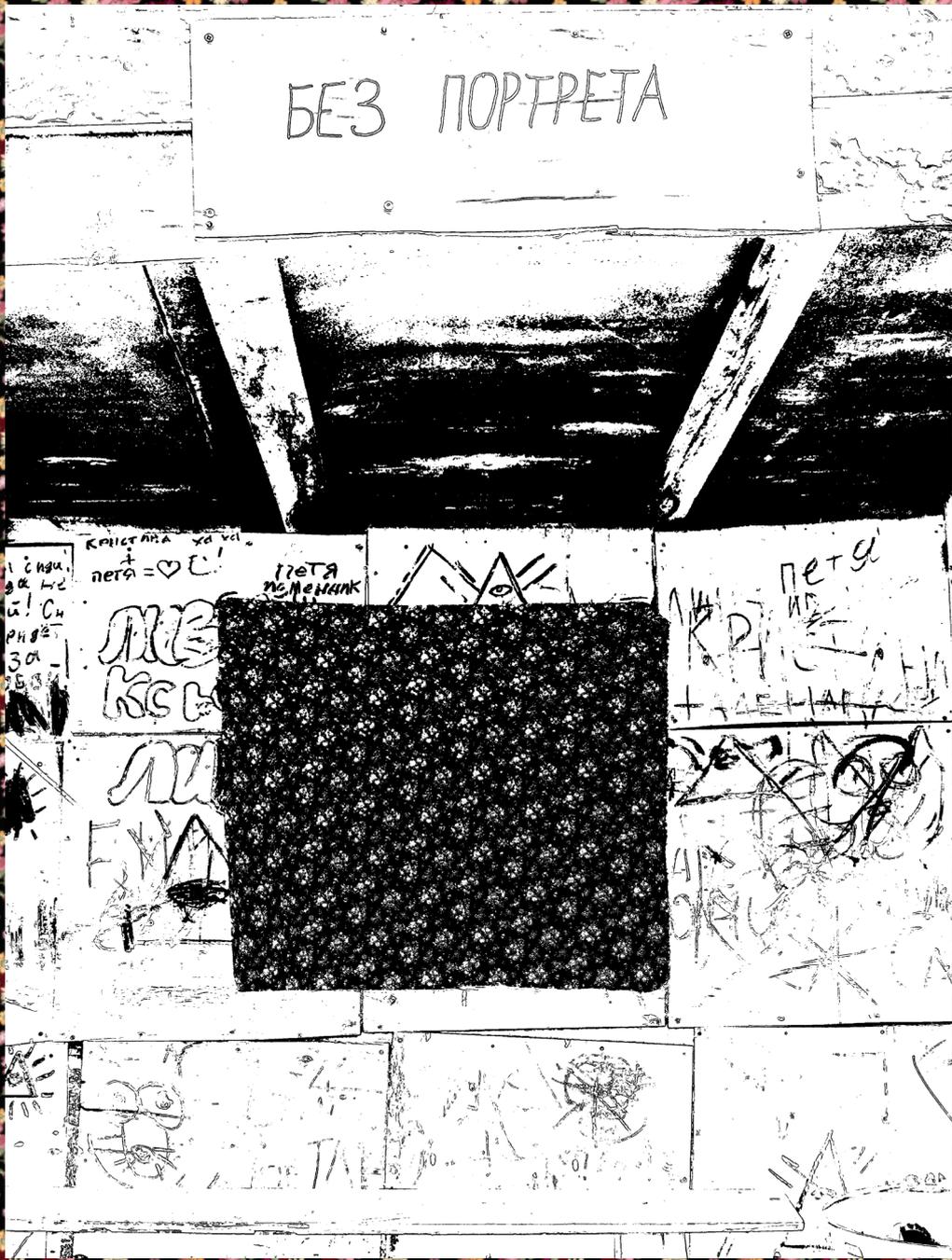
«ДИМА»
«А че»
«Елисей»
«МПС»
«В жопу»
«мы дэбилы»
«ЭТО ЧТО?»

Не найдя ни одного матерного слова, ни одного изображения гениталий, мы были потрясены. Закралось подозрение, что подростки в деревне Дютьково ненастоящие, что всё это — агенты или же инопланетяне, скованные какими-то неведомыми нам ограничениями. Поэтому мы решили защитить пространство акции, нарисовав на несущей стене будки два огромных хуя с двух её сторон (один из хуёв принадлежал котику с растопыренными усами).

Мы не будем подробно описывать все те многочисленные события, которые развернулись в полудомике в рамках акции «Коллективных действий», потому что эти события уже ответственно описаны в тексте Арины Атик (аттический текст).

Завершая акцию, Андрей Викторович Монастырский завещал нам 7 миллиардов долларов, будку (казалось бы невзрачную), в которой проходила акция, 2 километра железной дороги (километр в ту сторону, на юг, и километр на север Большого Кольца московской железной дороги), траву с цветами, деревца, кустики и (в случае доплаты в размере 10 миллионов долларов) всю деревню Дютьково со всем населением. Таким образом, подростки, живущие в данной деревне и являющимися авторами текстов, нанесённых на поверхность будки (Будда, Пробуждение, Будённый), отныне являются нашей собственностью. Спасибо, Андрей Викторович! Это очень ценно для нас!

02.10.2020

Изменение порогового значения 1

Изменение порогового значения 2

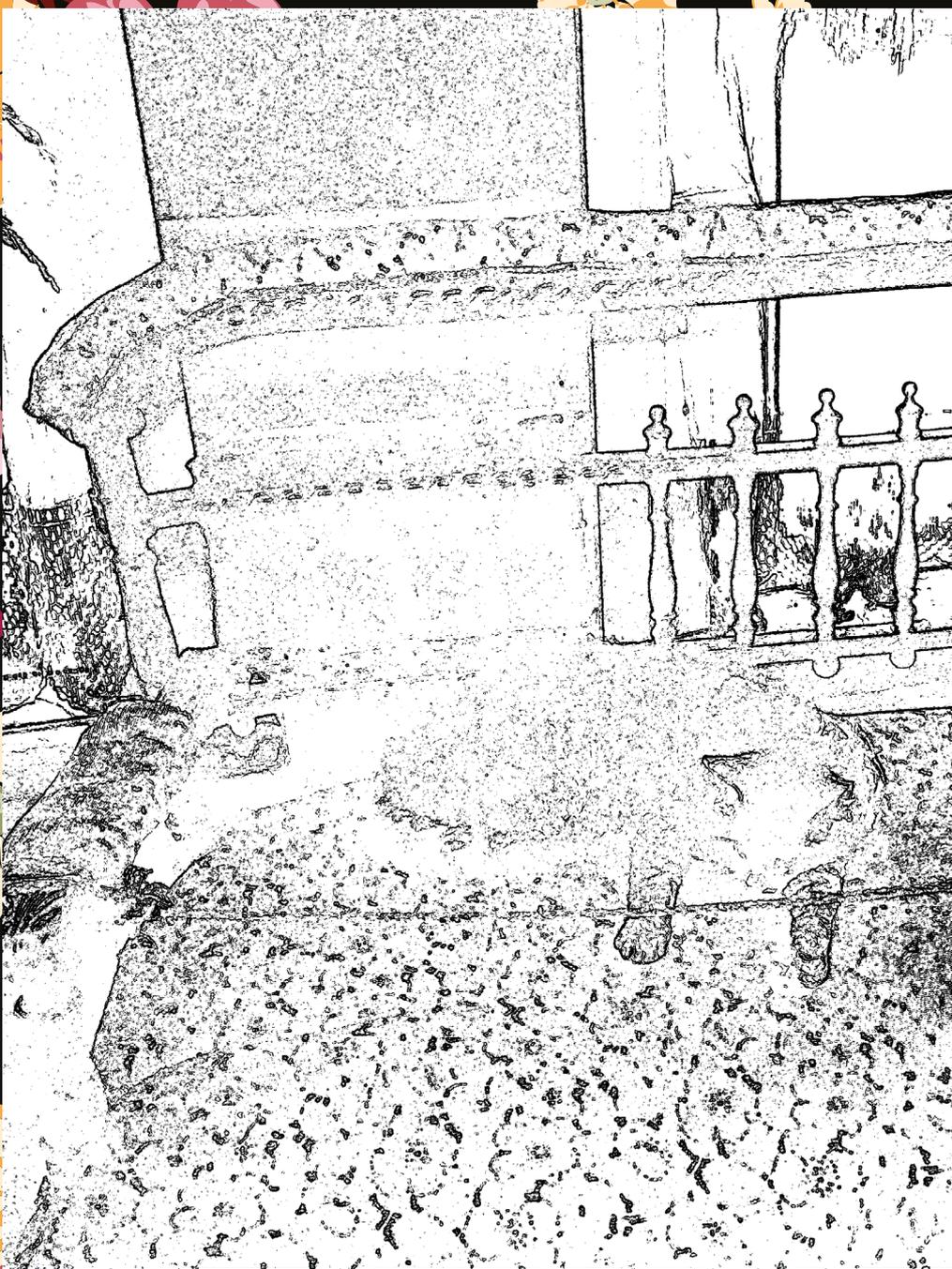
Изменение порогового значения 3

Изменение порогового значения 4

Изменение порогового значения 5

Изменение порогового значения 6

Исключено, жду груз из Липецка, ссадил ногу, машины нет, наличных нет всё на карточке, дожди, маршрут неизвестный, боюсь обратно не вернусь, намучаюсь и просто страшно.

НП

Изменение порогового значения 7

Изменение порогового значения 8

Изменение порогового значения 9

БЕЗ ПОРТРЕТА

ППСС

Изменение порогового значения 10